

Й. Догнал (Брно, Чешская Республика; Трнава, Словацкая Республика)

Сюжет андреевской «Бездны» как бифуркация в литературном произведении?¹

Аннотация: В статье анализируется развитие сюжета рассказа Л.Н. Андреева «Бездна». Особое внимание уделено изменениям, происходящим во внутреннем мире главного персонажа, понимаемом как неравновесная система. Ряд внешних импульсов, инициируемых извне, вызывают постепенно настолько мощные флуктуации, что «я» персонажа перестраивается, и в нем открываются прежде неведомые, первобытные составляющие этого «я», скрытые под культурными мемами.

Ключевые слова: Л.Н. Андреев, «Бездна», бифуркация, сюжет, прием, неравновесная структура, флуктуация

Josef Dohnal (Brno, Czech Republic; Trnava, Slovak Republic)

The Plot of Leonid Andreev's "The Abyss" as a Bifurcation in a Literary Work?

Abstract: The article analyses the development of the plot of the story by Leonid Andreev "The Abyss", paying particular attention to the changes taking place in the internal structure of the "self" of the main character of the story, understood as a non-equilibrium system. A number of external impulses, initiated from the outside, causes gradually so powerful fluctuations that the character's "self" undergoes a process of restructuring, which reveals until then hidden, unknown, primitive composite only partly overlaid by cultural memes.

Key words: Leonid Andreev, "The Abyss", bifurcation, plot, method, non-equilibrium structure, fluctuation

Строгое разделение научных дисциплин на гуманитарные и естественнонаучные иногда чревато тем, что первые дисциплины считают неточными, а вторые – точными. Несмотря на такое традиционное разделение научных дисциплин можно обнаружить между ними нечто общее, чему стоит уделить внимание и найти возможность применения. Примером такого общего можно считать теорию неравновесных систем и связанных с ними бифуркаций.

---

¹ Статья разработана в рамках проекта специфического исследования MUNI/A/1331/2020 Mezislovenské kulturní a literární vazby.

Эрвин Ласло в своей работе «Век бифуркации. Постигание изменяющегося мира» говорит: «...если систему вывести за порог устойчивости, то она вступает в фазу хаоса. Для системы наступление хаоса не обязательно имеет роковой характер; хаос может оказаться прелюдией к новому развитию. В жизнеспособных системах хаос порождает более высокие формы порядка. Но отношение между посткризисным и предкризисным порядком никогда не бывает линейным – это не простая причинно-следственная связь. Процесс возникновения бифуркаций делает эволюцию неравновесных систем скачкообразной и нелинейной. И вследствие этого бифуркация полна неожиданностей»¹.

Сюжет литературного произведения и его развертывание – это процесс, включающий определенные эпизоды и связанные с ними импульсы, влияющие на персонажей, составляющих в таком случае диссипативные структуры – такие сложные множества, в рамках которых нельзя и дать характеристику всем их составляющим, и управлять ими и их взаимодействием, т. е. они могут считаться неравновесными системами (термин И.Р. Пригожина²). Постепенное или simultанное воздействие внешних факторов (воздействие других персонажей, природы, времени и т. п.) на систему (на персонажа, на группу персонажей и т. п.) в ходе развертывания действия можно в таком случае считать именно тем, что может вызвать изменения, причем – теоретически – в обоих факторах, участвующих в таком воздействии.

Изменчивые, неравновесные системы реагируют на влияние внешних факторов, подвергаются флуктуациям. Если флуктуации незначительны или не настолько интенсивны, чтобы они превысили точку, в которой система подвергается изменению, система в своей сути не меняется, сохраняя основные свои свойства, а только приспособляется влияниям внешней по отношению к ней среды. Но при возрастании количества и/или интенсивности воздействий флуктуации становятся более значимыми, и в тот момент, когда они достигнут определенной критической границы, произойдут резкие изменения в самой системе – бифуркация, вследствие чего возникнут или две структуры, различные по своему характеру, или только одна, так как старая структура гибнет. Именно по тому, в какой из взаимодействующих систем происходят изменения, каковы они и насколько они интенсивны, определяют тип данного взаимодействия.

Применяя критерий характеристики воздействующих друг на друга систем, можно, по нашему мнению, определить особенности подхода писателя к конструированию / построению фиктивного по своей сути мира литературного произведения, так что изучение произведения именно в таком ракурсе может приблизиться к определению своеобразия писательского подхода к обработке им избранного «материала», что в свою очередь является одной из черт, составляющих его авторскую стратегию.

Мы хотели бы показать, как это можно применить к конкретному литературному произведению – к рассказу «Бездна» Леонида Николаевича Андреева, так как ценность каждой теоретической установки определяется ее применимостью на практике.

Если проанализировать сюжет рассказа с точки зрения центрального персонажа, студента Немовецкого, то в начале произведения перед нами молодой человек, который верит в идеальную любовь и в разговоре с любимой девушкой находит гармонию: «...все у них было молодое, красивое и чистое: стройные, гибкие фигуры, словно пронизанные воздухом и родные ему, легкая упругая поступь и свежие

¹ Ласло Э. Век бифуркации. Постигание изменяющегося мира. [Электронный ресурс]. Сайт С.П. Курдюмова: <http://spkurdyumov.ru/evolutionism/vek-bifurkacii-laszlo/> (дата обращения: 26.12.2020).

² Пригожин И.Р. – бельгийский физик и физико-химик российского происхождения. Лауреат Нобелевской премии по химии 1977 г.

голоса, даже в простых словах звучавшие задумчивой нежностью, так, как звенит ручей в тихую весеннюю ночь, когда не весь еще снег сошел с темных полей»¹.

Импульсы, воздействующие на героя, если понимать его как неравновесную, живую систему, можно в рамках развертывания сюжета рассказа разделить на четыре группы:

- от его любимой Зиночки;
- от природы;
- от остальных персонажей;
- от факторов, скрытых в его собственном сознании и подсознании.

Перечислить абсолютно все имплицитно или эксплицитно затрагиваемые текстом импульсы нельзя, надо сосредоточить внимание на самых важных, на тех, которые можно считать своего рода вехами в развитии сюжета. Для любимой Немовецкого значим прежде всего вопрос, где они находятся. Когда вопрос возникает впервые, в имплиците рассказа, Немовецкий уверенно отвечает, что точно знает. Вторым, более интенсивным импульсом стал физический контакт их рук и зрительное восприятие ее ноги: «...он ощущал покорную мягкость ее крохотной ручки и видел черный силуэт ноги и маленькую туфлю, наивно и нежно обнимавшую ее. И было что-то острое, беспокойное в этом немеркнущем представлении узкой полоски белых юбок и стройной ноги, и несознаваемым усилием воли он потушил его» (356). Тут уже чувствуется волнение, усилие воли, т. е. реакция на довольно сильный импульс, идущий извне и отражавшийся в Немовецком, в его мышлении и поведении как в системе – появляется первое напряжение в ней, т. е. флуктуация.

Не замечая исчезновения своих теней (импульс от природы – солнце заходит, темнеет), они продолжают душевный разговор, в котором Немовецкий забывает о том, как на него подействовало восприятие физического прикосновения. Рассказчик даже констатирует, насколько совпадают их представления о любви: Зиночка устранила дисгармонизирующую деталь, нитку на тужурке Немовецкого, в этот момент. Исчезло и волнение в душе Немовецкого. Как раз в этот момент Зиночка замечает, что зашло солнце, ей страшно, она боится, что они заблудились. Это опять довольно сильный импульс, соединяющий влияние изменения природной среды и повторную реакцию Зиночки на то, что она движется по незнакомой ей местности. Немовецкому приходится реагировать, но он опять проявляет внешнюю самоуверенность, о чем свидетельствует его ответ. В его внутреннем ощущении, как указывает рассказчик, однако уже чувствуется напряжение: «Немовецкий подавил поднимавшееся в нем тяжелое и смутное чувство тревоги и сказал: – Нет, мы не заблудились. Я знаю дорогу. Сперва полем, а потом через тот лесок. Вы боитесь?» (358). Появившаяся тревога и неуверенность в том, где они находятся, у обоих подавлена их близостью, но тут уже чувствуется большее напряжение в душе Немовецкого, равновесие которого все больше нарушается.

Следует их встреча с двумя женщинами, вид которых неприятен: они грязные, грубые. Немовецкий воспринял их присутствие, но опять оставил данный импульс, свидетельствующий о том, что они находятся в месте, куда приходят не такие влюбленные, как они, без какой-нибудь внешней реакции: «Немовецкий знал таких женщин, грязных даже тогда, когда на них было богатое и красивое платье, привык к ним, и теперь они скользнули по его взгляду и, не оставив следа, исчезли» (359).

¹ Андреев Л.Н. Бездна // Андреев Л.Н. Собр. соч. Т. 1: Рассказы 1898–1903. М.: Художественная литература, 1990. С. 355–356. Далее рассказ цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.

Рассказчик сразу же вводит следующий импульс, идущий на этот раз от природной среды: «И тьма сгущалась так незаметно и вкрадчиво, что трудно было в нее поверить, и казалось, что все еще это день, но день тяжело больной и тихо умирающий» (360). В описаниях рассказчика слишком много темного, но внешняя реакция Немовецкого и на этот раз относительно спокойная. Ничего не меняется даже тогда, когда грязных женщин становится больше, когда тьма еще гуще: «Немовецкий знал, кто эти женщины, и ему было страшно, что они попали в такую дурную и опасную местность, но спокойно ответил: – Не знаю. Так. Не нужно о них говорить. Вот сейчас пройдем этот лесок, а там будет застава и город. Жаль, что мы так поздно вышли» (360). Из слов рассказчика ясно, что Немовецкий не хочет показать внутреннее волнение, хотя оно есть и даже нарастает. Он имеет возможность повернуть назад, может активно действовать, но он этого не делает. Рассказчик не приводит ни одного намека на объяснение того, почему Немовецкий не действует так, чтобы предотвратить опасность, хотя она, судя по всему, неотвратимо надвигается. Может быть, дело в том, что не все ее приметы однозначны: так, например, тематизированное сжатие пространства можно интерпретировать и как опасность, и, наоборот, как чувство защиты от нее в замкнутом пространстве, что и содержится в словах рассказчика: «Когда они вошли в лес и деревья молчаливо сошлись вершинами над их головами, стало очень темно, но уютно и спокойно» (361).

Все вводимые в сюжет признаки возможного кризиса в первых двух главах рассказа ничего не меняют в поведении Немовецкого: чувство неловкости и тревоги, т. е. флуктуации в его внутреннем состоянии, настолько слабы и чередуются с успокоительными моментами, что они не способны перебить любовное чувство, соединяющее его с Ниночкой.

Все это резко меняется в третьей главе рассказа. Три человека, которых Немовецкий с Зиной встречают, явно враждебны по отношению к ним. Но и тогда, чувствуя напряжение, Немовецкий не действует согласно своим чувствам: «Сердце у Немовецкого упало и замерло в страшной тревоге, но, будто подталкиваемый сзади, он шел прямо на сидящих, около которых проходила тропинка. Те ждали, и три пары глаз темнели неподвижно и страшно» (361). Влюбленным стало ясно, что они находятся под угрозой. Внутреннее состояние Немовецкого расшатано, флуктуации становятся сильнее – ощущение необходимости реагировать, изменить свое поведение, лишь мелькнет в его сознании, но сейчас же – без объяснения с позиции рассказчика – он решает не делать этого: «...стараясь сохранить вид спокойствия, не чувствуя роковую неотвратимость того, что сейчас случится, он зашагал ровно и твердо. ... “Нужно бежать”, подумал Немовецкий и сам ответил себе: “Нет, нельзя бежать”» (362).

Кажется, проявляется его роль старшего, роль любящего мужчины-защитника по отношению к Зинке, но, может быть, и роль более слабого, надеющегося на снисхождение более сильных партнеров, которым можно заплатить и таким способом отделаться от них, – по отношению к пьяным мужикам. Однако уже поздно: агрессия пьяных обращается против него. Флуктуации в его внутреннем состоянии настолько мощны, что, наконец, Немовецкий начинает действовать, защищаясь от нападения. «...он долго боролся, царапался ногтями, как дерущаяся женщина, всхлипывал от бессознательного отчаяния и кусался. ...потом Немовецкий ощутил вокруг себя пустоту, с замиранием сердца понесся куда-то вниз, грохнул всем телом, ударившись о землю, – и потерял сознание» (362–363). Мощная флуктуация, вызванная ударами мужиков и сознанием, что под угрозой не только он, но и Зинка, не достигает своей кульминации, т. е. кризисного состояния, так как герой обессилен: потеря сознания

лишает его возможности как-либо действовать. О судьбе Зиночки рассказчик не сообщает читателю, он только констатирует: «Темная туча уже расползлась по всему небу, и наступила темная, тихая ночь» (363).

Как мы видим, все импульсы, идущие от внешнего мира, «перерабатываются» сознанием и эмоциональными структурами внутреннего мира персонжа. Они приводят к разного рода волнениям – флуктуациям, в которых сталкивается и ощущение тревоги и опасности, и чувство нежной любви, и «первобытное» представление о любви как об игре в салки, и чувство ответственности за любимую женщину. Все эти импульсы, как показывает текст рассказа, вводятся рассказчиком в качестве того, что вынуждает внутренний мир персонжа (т.е. его диссипативную, динамическую, с внешним миром интерагирующую структуру) реагировать. Реакции Немовецкого, однако, не меняют характер его поведения – он остается только реагирующим на импульсы субъектом, не занимает активной позиции, что позволило бы изменить условия, в которых они движутся. В тот момент, когда надо уже было вступить в схватку, т.е. тогда, когда внешние обстоятельства принудили его действовать (хотя действует он все еще только как реагирующий, а не как тот, кто заставляет действовать других или кто меняет внешнюю среду), он теряет сознание и не может повлиять на поступки пьяных мужиков. В первых трех главах рассказа, таким образом, Немовецкий выступает скорее как объект действия, как тот, на кого кто-то или что-то действует; ему суждено только реагировать. Это касается и отношений с Зиночкой: он отвечает на ее вопросы, реагирует на ее прикосновения, выполняет роль старшего, более опытного, более сильного партнера. Повышенной динамики его внутреннего мира еще недостаточно для резкого сдвига: флуктуации, в нем происходящие, пока ничего существенно в сложной «организации» его «я» не меняют.

Атмосфера первых трех глав рассказа существенно отличается от четвертой главы, в тот момент, когда Немовецкий очнулся и понял, что произошедшее не сон, не греза, а сбывшийся факт. Как раз тогда его отношение к внешнему миру меняется – он становится активным. Сначала, как показывает рассказчик, его поведение характеризуется иррациональными поисками направления: он мечется то в одну, то в другую сторону: «Вылезши, он побежал прямо, не рассуждая и не выбирая направления, и долго бежал и кружился между деревьями. Так же внезапно, не рассуждая, он побежал в другую сторону, и опять ветви царапали его лицо, и опять все стало похоже на сон» (364). Тьма, смыкающиеся ветви деревьев – все это создает иллюзию одиночества, ситуации, в которой Немовецкому приходится действовать только по своему усмотрению, так как нет интенсивных внешних толчков, на которые надо было бы реагировать.

Решающее изменение представляет собой столкновение Немовецкого с лежащей на земле Зиночкой: «– Господи! Что же это? – с сухими глазами, но голосом рыдающего человека сказал Немовецкий и, став на колени, прикоснулся к лежащей. Рука его попала на обнаженное тело, гладкое, упругое, холодное, но не мертвое, и с содроганием Немовецкий отдернул ее» (365). Созданная писателем ситуация резко отличается от всего, что случилось до того: внутренний мир Немовецкого уже до этого был частично расшатан, но только теперь его рациональное начало полностью потеряло свою силу, а ведущим стало начало эмоциональное, хаотическое, чреватое меняющимися иррациональными импульсами, иррациональным метанием то в одно направление действий, то в другое. Структура его «я» расшатана в такой мере, что нельзя предсказать, как он будет действовать в

ближайшем будущем, значит, флуктуации в системе его внутреннего мира усиливаются до такой степени, что, расшатанная, она достигает кризисного состояния, и невозможно предсказать, что произойдет в дальнейшем.

Немовецкий подвергается сложнейшему испытанию – все импульсы, идущие и от природы, и от единственного человека рядом с ним, редуцированы. Остается только он один, его переживающий кризис психический мир: тьма смыкает пространство, Зиночка становится пассивным объектом. Его сознание лишено рационального начала, стереотипы поведения не могут ему помочь, так как в такой ситуации он находится в первый раз. Представление о том, что случилось с Зиной, погружает его в состояние полного хаоса, когда даже «ужас перед случившимся застывал в нем, свертывался в комок и лежал в душе, как что-то постороннее и бессильное» (365). Внутренний мир персонажа находится на грани: все прежнее в нем разрушено, оно теряет свою силу, по его «правилам» нельзя больше действовать, так как он столкнулся с абсолютно новой, непредвиденной ситуацией.

Хаос в его душе – это выражение кульминирующей флуктуации (или, скорее, целого ряда частных флуктуаций, усиливающих одна другую) в структуре его внутреннего мира. Все приводимые рассказчиком обстоятельства свидетельствуют лишь о борьбе между бывшей структурой его «я» и тем, что перед ним всплывает в качестве альтернативы, о которой он и не подозревал, но которая как будто somehow является из неизвестных прежде, не предвиденных им глубинных слоев его подсознания. Немовецкий борется и с тем, кем он был до того, и с тем, кем может стать, причем нет надежды на компромисс. Система его «я» или окажется достаточно прочной и одолеет флуктуацию, или станет другой, выберет один из возможных вариантов действия, т. е. произойдет бифуркация. Всё вне его «я» как будто исчезает, драма происходит в его психическом мире: все действующие на него и в нем импульсы расшатывали и все больше расшатывают его «я», понимаемое как неравновесная система. Каждое прикосновение к телу Зиночки только усиливает кризисное противоречие двух вариантов его поведения: «Но тело было немо и неподвижно, и в его беспомощности и доступности было что-то жалкое и раздражающее, неотразимо влекущее к себе. С глубокой нежностью и воровской, пугливой осторожностью Немовецкий старался набросать на нее обрывки ее платья, и двойное ощущение материи и голого тела было остро, как нож, и непостижимо, как безумие. Он был защитником и тем, кто нападает, и он искал помощи у окружающего леса и тьмы, но лес и тьма не давали ее» (366).

Попытка диалога с Зиной – это по сути диалог двух Немовецких, кульминации достигает экспликация флуктуаций в системе «я» главного персонажа. Флуктуации в конце рассказа превышают грань стабильности системы: старая система исчезает, уступает свое место другой. Мы не хотим воспользоваться словом «новой», так как на место прежней упорядоченности внутреннего мира Немовецкого приходит что-то подспудное, древнее, звериное по своей сути, что прежде было скрыто под пластами «культурного», за стеной мемов, связанных с «окультуриванием», с овладением вожделениями: «Здесь было пиршество зверей, и, внезапно отброшенный по ту сторону человеческой, понятной и простой жизни, он обонял жгучее сладострастие, разлитое в воздухе, и расширял ноздри» (366).

Как показывает наша попытка подхода к анализу развития конфликта, Андреев выстраивает весь рассказ, его завязку и перипетии изображаемого в нем действия так, чтобы подчеркнуть то, что считает самым важным: внутреннее перерождение, переструктурирование психического склада персонажа, изменение его «я». Все осталь-

ные реквизиты подчиняются именно этой цели. Насколько такие авторские приемы во всех конкретных деталях сознательны или интуитивны, не играет существенной роли. Примечательно, однако, что Андреев выстраивает данную бифуркацию как «путь в обратном порядке»: все то, что открывается перед Немовецким, – это древняя, звериная, «неокультуренная» сфера структуры его «я», т. е. то, что было «перекрыто» разного рода слоями мемов, «окультуривших» и подавивших примитивно-звериное.

Изучение развития сюжета при помощи метода, применяемого в естественных науках, подтверждает то, что, кажется, характерно для творческой стратегии Л. Андреева и в других его рассказах. Сюжет выстраивается писателем как ряд ситуаций, влияющих на внутренний мир персонажа и вызывающих в нем флуктуации разной интенсивности. Персонаж по сути пассивен: он терпит все эти испытания, не устраняет ни их, ни их причины, не становится активным. Ряд импульсов, направленных на него извне, с которыми приходится персонажу сталкиваться, вызывает в его внутреннем мире реакцию (флуктуации), которая приводит к расшатыванию его внутренней структурной целостности, его «я». Испытание стабильности этой внутренней системы доводится до предела, после чего происходит ломка – изменение внутреннего мира персонажа, ценностей, в соответствии с которыми он действует, его поведения и его душевной сферы. Он открывает что-то, чего и не подозревал, о чем не знал, что было скрыто в нем самом или в силах, которым он подчинен (таков, скажем, Старый закон в «Губернаторе»).

Такой принцип построения сюжета андреевских произведений можно увидеть не только в «Бездне», но, например, и в рассказах «Жизнь Василия Фивейского», «Красный смех», «Полет», «Губернатор» и в других его произведениях. Примечательно, что внешний по отношению к персонажу мир под его влиянием чаще всего не меняется. Учитывая это, можно утверждать, что конструирование сюжета таким образом, чтобы завершающая его бифуркация открыла что-то подспудное, существенное, «первичное» или «первобытное», имеющееся во внутренней структуре персонажа, но неведомое, неосознаваемое им, является сознательным приемом, авторской стратегией, соответствующей мировосприятию и замыслу писателя.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Андреев Л.Н. Бездна. // Андреев Л.Н. Собр. соч. Т. 1: Рассказы 1898–1903. М: Художественная литература, 1990. С. 355–367. / Andreev L.N. The Abyss. In: Andreev L.N. The Complete Works. Vol. 1: Stories 1898–1903. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1990, pp. 355–367.

Ласло Э. Век бифуркации. Постигание изменяющегося мира. [Электронный ресурс]. Сайт С.П. Курдюмова: <http://spkurdyumov.ru/evolutionism/vek-bifurkacii-laszlo/> (дата обращения: 26.12.2020). / László E. (1991) The Age of Bifurcation: The Key to Understanding the Changing World. New York and London: Gordon & Breach Publ. 126 p.

Сведения об авторе:

Йозеф Догнал,
канд. филол. наук
профессор
Философский факультет
Университет им. Масарика (Брно)
Философский факультет
Университет им. св. Кирилла и Мефодия (Трнава)

Josef Dohnal,
PhD., PhDr.
Professor
Faculty of Arts
Masaryk University (Brno)
Faculty of Arts
University of ss. Cyril and Methodius (Trnava)
josef-dohnal@volny.cz